

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

А.М. ЯКОВЛЕВ

Российская государственность (историко-социологический аспект)

Трудно переоценить значение перемен, происходящих ныне в сфере развития российской государственности. Всякие перемены вдохновляются тем новым, что признается важным, решающим для такого развития. Новые (для данной страны) идеи и представления формируют модель, реализуемую в ходе социального процесса. Важно при этом, что любая модель социального развития с неизбежностью накладывается на объективную реальность, характерную для страны и ее народа. Существенно, что понятие "реального" не тождественно понятию "наличного", т.е. того, что существует здесь и сейчас. Все, что происходило в прошлом российского народа и государства, в разной степени входит в реальную ткань истории, *которая продолжается* сегодня. Прошлое тускнеет, теряется в исторической дали, но никогда не прощается с нами навсегда.

При определении особенностей российской государственности целесообразно рассмотреть по крайней мере три содержательных категории: государство, общество, гражданин. Эти категории связаны, но и самостоятельны. Все, что хорошо для государства, хорошо ли для общества? Все, что хорошо для общества, хорошо ли для гражданина? И во имя чего (кого!) существуют (должны существовать) и общество, и государство? От содержательной характеристики этих категорий, их взаимозависимости, роли и места в жизни народа зависят история народа и его судьба. На развитие государственности, права в России в числе прочих факторов серьезное влияние оказали социокультурная традиция российского правосознания, идеология самодержавного абсолютизма и российский вариант марксизма.

Социокультурная традиция

Для освещения социологического аспекта развития государства и права необходимо выявить социокультурную традицию в той ее части, где речь идет о совокупности относительно устойчивых, разделяемых большинством народа представлений о государственной власти, о праве, правосудии, о понятии справедливости и т.д.

Общество как объект социологии - специфическая совокупность отношений между людьми, существование которых предопределяется их взаимозависимостью; именно в обществе в ходе взаимодействия создаются культурные ценности и общие символы. В свете этих ценностей и символов вырабатываются социологические, право-

Яковлев Александр Максимович - доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, ректор Московского нового юридического института.

вые, моральные категории и понятия, и, что наиболее важно, указанные категории и понятия, включаясь в поле социального действия, неизбежно приобретают особый смысл, их подлинное, реальное значение связывается с более широким социально-культурным миром устойчивых, господствующих представлений, ценностных установок, стереотипов общественного сознания.

Понятия "государство", "право", "закон", "конституция" и иные дефиниции приобретают реальный, подлинный смысл и значение во взаимодействии с такими представлениями. Именно общественное сознание предопределяет реальное социальное функционирование указанных терминов. Здесь, в сфере совершения реальных социальных, политических действий выявляется суть, подлинный смысл и значение правовых установлений, институтов в данных условиях места и времени.

В этом смысле право можно сравнить с карликом, сидящим на плечах гиганта - общества. Сам по себе карлик бессилен, ибо только общество наполняет право реальным содержанием, придает ему силу, превращает в эффективный инструмент общественного развития. Право как совокупность юридических категорий и понятий отражает, во-первых, особую систему специфических постулатов, исходных предположений, принципов ("презумпция невиновности", "юридическое лицо" и т.д.), вне рамок которых право не может функционировать. Во-вторых, будучи вовлеченными в реальные повседневные отношения, правовые категории с неизбежностью вступают во взаимодействие с базовыми социокультурными категориями общественного сознания (ценностями, привычными значениями, убеждениями, стереотипами, предрассудками, категориями "здорового смысла"). Карлик взаимодействует с гигантом. Реальность права - результат взаимодействия норм права с культурой народа, общественным правосознанием.

Право - нечто большее, чем законы, действующие на данный момент. "Право есть монумент истории, создаваемый в течение столетий не только из слов и документов, но и из человеческих действий и человеческих жизней. Право более, чем правила: это также юридическая профессия, школы права, традиции и судебное разбирательство, управление и законотворчество. Право - это также наука права - правосознание народа. Эти вещи существуют не только в пространстве, но и во времени" [Vertman, 1983, p. 178].

Важное значение для социологической оценки российской правовой реальности имеет анализ особого смысла, традиционно придаваемого нравственно-правовым категориям и понятиям. Специфическим для русского языка (и мышления) является различие понятий "истина" и "правда". Истинно то, что существует на самом деле, объективно, независимо от человека, это то, что верно фактически (например, "установить научную истину"). Правда - категория моральная, субъективная, она неотделима от понятия "совесть"; это то, что верно с моральной точки зрения (например, "жить по правде, по совести").

Исторически русское народное правосознание противопоставляло право и мораль, право и правду. Закон в России никогда не ассоциировался в общественном сознании с нравственной, моральной основой. Право было "истиной", реальностью для большинства населения (крепостное право), но, очевидно, реальностью подавляющей, жестокой, аморальной, это право не было "правдой". В России "греховными" почитались государство, право, традиционная мораль, ибо они оправдывали порабощение человека и народа" [Бердяев, 1990, с. 39]. Отсутствие нравственной основы правового порядка разлагало общественные нравы, плодило правовой нигилизм и цинизм.

По словам А. Герцена, "правовая необеспеченность, искони тяготевшая над народом, была для него своего рода школой. Вопиющая несправедливость одной половины его законов научила его ненавидеть и другую; он подчиняется им, как силе. Полное неравенство перед судом убило в нем всякое уважение к законности. Русский, какого бы звания он ни был, обходит или нарушает закон всюду, где это можно сделать безнаказанно; и совершенно так же поступает правительство" [Герцен, 1956, с. 121]. Разгул сталинского террора лишь усилил и умножил интенсивность подобного

отношения к закону, к праву. Формула Герцена об отношении народа и правительства к правопорядку актуальна во многом в России и сегодня.

Противопоставление права и морали, нравственности и законов было характерно и для интеллигенции. В своем стремлении к совершенству, в поисках абсолютной правды (моральной правды!) идеалистически ориентированная интеллигенция предпочитала высшие этические ценности ограниченным, относительным ценностям (в том числе праву), полагая, что этими последними можно пренебречь. Герцен, обличая господствующее в России бесправие, правовую неорганизованность, писал, однако, что "это тяжело и печально сейчас, но для будущего это - огромное преимущество. Это показывает, что в России позади видимого государства не стоит его идеал, государство невидимое, апофеоз существующего порядка вещей" [Герцен, 1956, с. 116].

Развитие российской культуры не привело к социально-культурным феноменам, подобным европейскому Ренессансу или духовному подъему периода Просвещения. Даже у самых выдающихся мыслителей России отсутствуют произведения, сравнимые с трудами Д. Локка, Ш. Монтескье, Д. Дидро, Ж.-Ж. Руссо, особенно по проблемам социального значения права для демократического развития общества. К сожалению, идея о том, что правовой порядок "есть система отношений, при которой все лица данного общества обладают наибольшей свободой деятельности и самоопределения", не обрела корней в правовой культуре России [Кистяковский, 1990, с. 112].

Не только государство, право, но и права личности отрицались с позиции построения некоего особого строя общества, основанного на "высших" нравственных началах. Теоретик народников Н. Михайловский и его поколение отказывались от политической свободы и конституционного государства, надеясь на непосредственный переход России "к социалистическому строю", непосредственный переход "к лучшему, высшему порядку, минуя среднюю стадию европейского развития, стадию буржуазного государства" [Кистяковский, 1990, с. 110]. Законные права личности, охрана личной свободы правом с презрением отвергались как формальные и ограниченные, как совершенно незначительные по сравнению с грядущим царством социалистического братства. Таковы были самые благородные, наилучшие намерения, которые обернулись национальной трагедией.

Представление о том, что этические нормы не противоположны идее права, что правосознание воплощает, формализует и обеспечивает базовые нравственные категории, что право должно вырастать из морально-этических оснований, из правовых идей, прочувствованных и пережитых в сознании людей, было чуждо российской интеллигенции. В обществе, где право ассоциируется только с властью тиранического государства, где закон не уважают, а лишь боятся, где представления о справедливости противоречат существующим законам, в таком обществе только мораль, только требования совести рассматриваются в качестве обязательных.

Традиционные для России раздвоение и противопоставление права и совести, права и справедливости (в современной терминологии - "жить по закону" или "жить по понятиям") предопределило многое в политическом развитии страны. Индивидуальный террор, развязанный революционерами во второй половине XIX века, оправдывался высокими нравственными целями борьбы с царским режимом. Этой же позиции придерживались присяжные заседатели, когда оправдали В. Засулич, стрелявшую в петербургского губернатора Ф. Трепова, чей поступок (он приказал выпороть арестованного студента, который как дворянин телесному наказанию не подлежал) вызвал всеобщее возмущение.

Между тем вина Засулич была очевидной, и мотив ее преступления, строго по закону, не означал ее невинности, а мог служить лишь смягчающим обстоятельством. Председательствовавший на суде, один из самых просвещенных и либеральных российских юристов А. Кони дал оценку случившемуся: "Такой приговор (виновна, но заслуживает снисхождения. -А.Я.) был бы несомненен в Англии, где живое правосознание разлито в населении, где чувство законности и государственного порядка

вошло в плоть и кровь общества и где, наверное, все, что было понятного в возмущении Засулич поступком Трепова и трогательного в ее самопожертвовании, повлияло только на мягкость приговора, но не на существо его" [Кони, 1959, т. 2, с. 60]. В результате во имя "правды", но вопреки закону, в ответ на призыв власти получила благословение практика кровавых самосудов.

Специфично для народного правосознания в России наличие двух понятий - "юстиции" и "справедливости", там, где, например, в сознании англичанина имеется одно понятие - "*justice*". Это показывает, что представление о справедливости, т.е. о существующем в реальной жизни порядке социальных отношений, живет в нашем сознании параллельно с понятием юстиции как определенной системы государственных институтов, которая может быть справедливой, а может и не быть.

Другим кардинальным фактом российской правовой культуры было единство в правовом нигилизме противников самодержавия и ее адептов, выражавших суть российского абсолютизма. Не только подданные, но и власти России обращались к категории правды как к основанию и оправданию своей политики. По словам графа М. Сперанского, "всякое право, а следовательно, и право самодержавное, потоплику есть право, поколику основано на правде. Там, где кончается правда и начинается неправда, кончается право и начинается самовластье" (цит. по [Коркунов, 1914, с. 215]).

Приход в 1917 году власти, называвшейся "диктатурой пролетариата", также сопровождался обращением к категориям "мораль" и "правда". Диктатура пролетариата означала не ограниченную законом и опирающуюся на насилие власть пролетариата над буржуазией. Поэтому существовавшие законы применялись только в случаях, когда они не противоречили "революционному правосознанию", специфическому представлению о справедливости, "правде". (Характерно также, что газета коммунистической партии в России называлась - и называется - "Правда".) Радикальная перемена режима не повлияла на стереотип российского сознания: "совесть", "правда" существенны, первичны -это все; право несущественно, вторично, подчас - ничто.

Для материалистически ориентированной интеллигенции право не обладало какой-либо самостоятельной ценностью. Настаивая на том, что право всего лишь часть "идеологической надстройки", она не придавала ему нормативного значения и отказывалась признать социальным институтом, стоящим над социальными и классовыми интересами.

Революционная интеллигенция провозглашала, что пролетариат - носитель высших моральных ценностей. Поэтому во имя его классовых интересов оправдано применение любых средств.

Но если право не обладает значительной самостоятельной ценностью, если за ним отрицается решающая роль в общественном и государственном устройстве, если категории морали провозглашаются чем-то совершенно отличным от норм права (а то и противоположным им) и этим категориям отдается безусловное предпочтение, то открывается возможность для доминирующей политической власти претендовать на роль носителя этой единственной, подлинной, высшей "правды" (царь, диктатор, фюрер, Генеральный секретарь ЦК КПСС и т.д.). Так, социально-культурная традиция воздействовала на судьбу государственности и права в России и в идеологии царского абсолютизма, и в российском варианте марксизма.

Идеология самодержавия

Статья 1 Свода законов Российской империи содержала следующее определение власти монарха: "Император Российский есть монарх самодержавный и неограниченный. Повиноваться верховной Его власти не только за страх, но и за совесть сам Бог повелевает". Как писал Сперанский, "никакая другая власть ни вне, ни внутри империи не может положить пределов верховной власти Российского самодержца" (цит. по [Коркунов, 1914, с. 215]).

Российское мышление характеризуется тем, что при определении основной политической функции государства используется единственный и однозначный термин "власть" (сила власти). В западной литературе для обозначения политической власти применяется не термин *"power"* (власть, сила), а термин *"authority"*, имеющий в английском языке два значения: "власть" (*state authority* - государственная власть) и "авторитет" (источник высшего знания). В понятии *"state authority"* слиты воедино представления о государстве как о носителе власти и авторитета. В нашем же словаре (и сознании) государственная власть - одно, а авторитет - другое, самостоятельное понятие (властью обладает государство, авторитетом - ученые, эксперты и т.д.).

В таком сознании "государственная власть" - институт, которому следует подчиняться как источнику силы, а "авторитет" - это то, что вызывает уважение и согласие. В первом случае вы принуждены, во втором - согласны. Двойной смысл понятия *"authority"* предполагает возможность подчиняться государственной власти на основе не только вынужденного повиновения, но и добровольного согласия. Соответственно, вы можете не только бояться государственной власти, но и (возможно) уважать ее.

Показательно в этом смысле сопоставление терминов (понятий, категорий) "самодержавие" и "монархия". В первом термине, исконно русском по происхождению, очевидно присутствие понятия "сам" ("я сам") и "держава" (с корневой основой "держать", "обладать самому"). Термин "монархия", привнесенный в российскую лексику, происходит от двух понятий: "моно" (*μονος*) - "один", "единственный" (греч.) и "архе" (*αρχη*) - "начало" (греч.). В лингвистических корнях категории "монархия" не присутствует смысл "обладать", "держать самому". Лексически очевидно, что хотя авторитарическое свойство может быть присуще категории "монархия" (абсолютная монархия), но может и не быть ей присуще (конституционная монархия). Понятие же "конституционное самодержавие" логически противоречиво, эти две категории взаимоисключающи.

Характерна также связь русского термина "государство" с понятиями "господство", "господин" ("Господь Бог") и отсутствием, например, в английском обозначении государства (*"state"*) этого атрибута доминирования и подчинения (*"state"* - это и государство, и объективное состояние чего-либо, например *"state of affairs"* - состояние дел). Российская абсолютистская идеология утверждала принцип единства земной и небесной власти в руках царя - самодержца. "Московское православное царство было тоталитарным государством. Иван Грозный, который был замечательным теоретиком самодержавной монархии, учил, что царь должен не только управлять государством, но и спасать души" [Бердяев, 1990, с. 10].

В основе такой власти лежат три принципа: верховность, самодержавие, неограниченность. Н. Коркунов следующим образом характеризовал российское самодержавие: "Самодержавием существующее у нас государственное устройство отличается от монархии ограниченной, законностью - от деспотии, где место закона заступает ничем не сдерживаемый личный произвол правителя". Однако так называемую объективную законность нельзя считать ограничением, извне навязанным властям. "Поэтому развитие законности не обуславливалось у нас развитием политических прав. Мы имеем полную обеспеченность собственности, независимый суд, самоуправление и вовсе лишены политических прав. Между тем на Западе именно развитие политических прав, ограничивающих власть, являлось основой и обеспеченной частной собственности, и независимости суда, и развития местного самоуправления" [Коркунов, 1914, с. 210-211,219].

Таким образом, Коркунов проводил различие между "объективной" и "субъективной" законностью. Это различие весьма существенно и не потеряло свою актуальность в России до сих пор. Законность как основа государства может выступать в двух различных формах. В одной ситуации, когда власть государства ограничена существующими субъективными правами различных классов, сословий, общин граждан, структура государства основывается на явном или подразумеваемом соглашении

между носителями соответствующих субъективных прав, и государство тем самым обретает договорную основу.

В другой ситуации, когда структура и деятельность государства определяются посредством объективного, независимого от субъектов закона, власть государства не ограничена чьими бы то ни было правами, а только нормами закона, определяемыми всеильным государством. Как писал Коркунов, "в таком случае власть подчиняется праву, не будучи, однако, ограничена сама каким-нибудь правом. Власть останется во всей своей полноте в руках монарха, и в основании государственного строя окажется не субъективное начало договора, а объективное - закона" [Коркунов, 1914, с. 217].

Государственная власть в Российской империи регулировалась не субъективными правами классов, сословий, граждан, но объективным правом, волей самого государства; законность не подлежала ограничениям, налагаемым на государство извне, а создавалась самим государством. Законность ("объективная") никогда не выражала совокупную волю граждан, сословий, классов, не имела опоры в самом обществе. Этим (кроме прочего) объясняется тот полный крах правопорядка, который последовал за сломом в 1917 году российской государственности, правовая база которой исчерпывалась подобного рода объективной законностью и не имела опоры в политических правах граждан, классов.

Этот вывод следует подчеркнуть особо: *законность и государственность успешны, стабильны и продуктивны в случае, когда их основой (и ограничением) служат перечисленные выше субъективные права. Такие права не только (и не просто) ограничивают государственную власть во имя общего блага, но и создают решающую опору такой власти со стороны гражданского общества.*

Судьба государства и права в России определялась (и определяется) не только традиционными элементами народного правосознания и идеологией российского самодержавия, но и отношением к праву российского варианта марксизма.

Российский марксизм

Где зарождается право - здесь, на земле, как продукт человеческого творчества или как отражение чего-то высшего, не подвластного человеку? Характерно, что в обществах, где развилась трансцендентальная, т.е. выходящая за пределы земного существования человека, религия, наблюдается "тесная связь между такого рода религиозностью и убеждениями и институтами, которые поддерживают правовую систему". В подобных условиях право рассматривается как "нормативный порядок, который полностью возвышается над обществом, так же, как Бог возвышается над миром" [Unger, 1976, с. 78, 79]. В соответствии с такой верой появляется возможность критиковать современные социальные условия и снабдить действующий закон существенной автономией, независимостью от доминирующей власти и современной политики. Уже в XVII веке на Западе было признано, "что сам король связан законом и что подданные короля должны иметь право, при определенных обстоятельствах, не подчиняться его повелениям, если они незаконны" [Verman, 1982, р. 536].

В противоположность этому марксистское материалистическое утверждение о том, что все сознательное, духовное - не более чем вторичный продукт экономических условий и что любая религия всего лишь продукт ложного сознания, лишило право такой автономии. В соответствии с марксизмом ничто не стоит позади законов, кроме экономических интересов, доминирующих в обществе. В марксистской теории право было отделено от общества и связано только с государством. Право было представлено не системой объективно существующих, структурированных социальных отношений, не нормативным порядком, не органической чертой общества, не исходным условием для мирной социальной жизни, но главным образом в качестве проекции воли господствующего класса.

В обществе, расколотом на антагонистические классы, государство и право были заклеены как орудие подавления, охраны интересов господствующего класса. Угнетенный класс, пролетариат считался носителем высшей правды, освободителем человечества, творцом идеального мира абсолютной справедливости, где не будет ни государства, ни права. Для того чтобы создать этот совершенный мир, пролетариат должен разрушить государство и право, отвергнуть их как орудие подавления.

Любой продукт либерального мышления в области теории государства и права, т.е. концепция господства права, неприкосновенность личности, прирожденные права человека, разделение властей, конституционализм, парламентаризм, независимость судей и т.д. были с презрением отвергнуты, ибо считались идеологическим прикрытием, служащим интересам доминирующего класса. Диктатура пролетариата признавалась идеальным инструментом построения утопического общества абсолютной справедливости. Для достижения этой цели допустимы любые средства. Так были заложены основы "Великого террора".

Традиционное российское правосознание, идеологию самодержавия и марксистскую теорию объединяет одна кардинальная черта: отрицание высшей ценности человеческой личности, основополагающего значения прав и свобод человека и гражданина, права как проекции этих высших социальных ценностей. Марксизм утверждал, что имеют значение только классовые и экономические интересы и поэтому права личности должны быть принесены в жертву во имя общего блага. На деле это обернулось отрицанием свободы для всех. В российской культурной традиции значение имела не личность, а община. Российская община была общиной рабов. В имперской, абсолютистской идеологии концепция "объективной законности" не признавала ценность законности субъективной и, следовательно, ценность любых гражданских и политических прав.

Определение государственной власти как орудия насилия, неразрывно связанного с идеей доминирования, господства силы, характеризует российскую культурную традицию, теорию марксизма в его российском варианте и абсолютистскую идеологию царизма. Марксизм объяснял эту сущность государства потребностью эксплуататорских классов подавлять, угнетать эксплуатируемых. Защитники русской монархии считали всевластие государства исторически сложившимся путем построения империи. "Абсолютизм убеждений большевиков отражал уверенность, с которой Николай II и его предшественники убеждали себя в правильности их решений и их ролей. Здесь утверждался лишь один источник правды..." [Little, 1989, p. 49].

Российские интеллектуалы того времени выступали против идеи конституционного (т.е., прежде всего, правового) государства, обращали внимание только на его социальную природу, отвергая его либо как дворянское, либо как буржуазное. Право для них было лишь проекцией господствующей силы, орудием власти. Однако отрицание роли и ценности права означало и отказ от стремления подчинить государственную власть праву *и тем самым заменить право силы на силу права*. В результате была расчищена дорога для построения государства, представляющего собой, по словам Н. Бердяева, "третье явление русской великодержавности, русского империализма, - первым явлением было московское царство, вторым явлением петровская империя" [Бердяев, 1990, с. 99]. Самодержавный принцип сосредоточения всей власти в руках монарха, немедленно воспроизведенный после революции 1917 года ("вся власть Советам"), обернулся третьим явлением великодержавности, сохранив (и углубив) всевластие государства, приведя к тотальному подавлению личности.

Так, через всю историю российской государственности в различных формах воспроизводился единый принцип: государственная воля - все, права человека - ничто, лишь государство обладает свободой (произволом) создавать и укреплять империю, строить коммунизм и т.д. История никогда не уходит в прошлое без остатка. Традиции - мощная, хотя и не всегда осознаваемая сила общественного развития. Часто актеры, играющие свои роли на сцене государственной власти, воспроизводят сцена-

рии, написанные для таких ролей давным-давно. Они различны. Но лейтмотив один. Государство, общество (община) - все, личность, ее права - ничто.

Широко распространено мнение: чтобы добиться перемен к лучшему, необходимо убрать препятствия, стоящие на пути таких перемен (сменить формы государственного устройства; поменять людей - способы здесь разные; плохие, неверные идеи заменить правильными, хорошими и т.д.). Не подчиняться, бунтовать, совершать революцию - российская история богата на такие события. Но при всем разнообразии их объединяет одна принципиальная черта: никогда такие события не вдохновлялись идеей поставить правителей, само государство под власть закона, права. Главным было сменить злого царя на доброго, поменять презираемого или ненавидимого правителя на прославленного и обожествляемого. Восстания были многочисленны и кровавы. Но в конечном итоге насилие не решало никаких проблем в России, палач и жертва просто менялись местами.

Среди многих истин и откровений Гегеля одна мысль вскрывает глубинную суть проблемы господства и подчинения. "И то обстоятельство, что некто находится в рабстве, коренится в его собственной воле точно так же, как в воле самого народа коренится его угнетение, если оно имеет место. Рабство или угнетение суть, следовательно, неправое деяние не только тех, которые берут рабов или тех, которые угнетают, а и самих рабов и угнетаемых" [Гегель, 1935, с. 82]. *Психология рабства объединяет рабов и рабовладельцев.* Отношения угнетения существуют, поскольку они не отвергаются ни угнетателями, ни угнетенными. *В воле самого народа коренится его угнетение.*

Как же изменить направленность, содержание такой воли? Только в ходе становления и развития гражданского общества и правового государства. Россия стоит сегодня перед таким вызовом истории.

Гражданское общество и правовое государство

Новейшее социальное развитие требует утверждения концепции гражданского общества, т.е. развития системы неправительственных институтов, обладающих достаточным влиянием, чтобы успешно уравновешивать власть государства и, не препятствуя ему, оказывать содействие в поддержании законности и правопорядка, в посреднических функциях улаживания споров и конфликтов между противоположными групповыми интересами. Институты гражданского общества должны служить реальным препятствием как установлению абсолютного государственного доминирования, так и распаду общества. В сфере экономики это означает свободную частно-предпринимательскую деятельность на основе закона и в рамках государственного регулирования, в гражданском обществе "государство и общество образуют две четко разделенных между собой сферы, причем государство имеет чисто инструментальный характер; контролируя индивидуальные интересы в их экстремальных проявлениях, оно само находится под контролем институтов, имеющих базу" [Геллнер, 1955, с. 214].

История возникновения, развития (или падения) демократических институтов показывает серьезную зависимость демократии от наличия (или отсутствия) у граждан соответствующей страны особого, важного социально значимого свойства - *гражданского достоинства*. Гражданским достоинством может обладать только *экономически и политически свободный человек*. Экономическая свобода человека основывается на неприкосновенности личной, частной собственности гражданина или наличии у него такой профессии, которая не только обеспечивает удовлетворение насущных потребностей, но и позволяет гражданину принимать решения по свободному употреблению своего достатка. Политическую свободу обеспечивает полноценное участие гражданина в политической деятельности. К числу характеристик гражданского общества относятся следующие: гражданская вовлеченность, политическое равенство, солидарность, доверие и терпимость, наличие ассоциаций как социальных структур кооперации [Putnam, 1994].

Гражданская вовлеченность. Центральный показатель гражданского достоинства - активное участие индивида в общественных делах. Интерес к общественным проблемам, их обсуждению и разрешению - ключевой фактор гражданского достоинства. Оно тем заметнее, чем в большей степени индивид ставит достижение общественного блага выше личных интересов. Конечно, во все времена сохраняется и не может не сохраняться различие между личным интересом и альтруизмом, и успешное развитие общества невозможно без могущественного мотива личного интереса. От членов гражданского общества вовсе не требуется быть альтруистами. В гражданском обществе предполагается следование *осознанному* личному интересу. Это означает, что личный интерес определяется в более широком контексте общественных потребностей. Он не "близорук", это *просвещенный* интерес, учитывающий и интересы других лиц. Это дальновидный интерес, ибо в условиях взаимности он оказывается реализованным на долгосрочной основе, что позволяет в конечном итоге избежать потерь и провалов.

Политическое равенство. Для гражданского общества характерно всеобщее равенство политических прав и обязанностей. В рамках такого общества отношения между гражданами строятся по горизонтали взаимности и кооперирования, а не по вертикали власти и подчинения. Это взаимодействие равных, полноправных граждан, а не отношения покровителя и просителя, правителя и жалобщика. Сказанное конечно, не означает, что в гражданском обществе не учитываются преимущества разделения труда и не признается потребность в политическом лидерстве. Принципиально важно, однако, что лидеры в таком обществе осознают ответственность перед своими гражданами и реально несут эту ответственность. В равной мере и абсолютная власть, и полное отсутствие власти разлагают общество, ибо позволяют воцариться безответственности в ее самых разрушительных формах. Когда деятельность политических институтов позволяет приблизиться к идеалу политического равенства граждан, основанного на нормах взаимности и вовлеченности в практику самоуправления, тогда можно говорить о наличии, об уровне развития гражданского общества.

Солидарность, доверие и терпимость. Для гражданского общества характерно, что его граждане не просто активны, вдохновлены идеалом служения обществу и равны между собой. Гражданское достоинство проявляется и в том, что в таком обществе граждане уважают, доверяют и помогают друг другу даже в ситуации, когда они расходятся во мнениях по поводу содержания общих проблем. Конечно, гражданское общество не свободно и не может быть свободно от конфликтов, ибо у граждан такого общества существуют глубокие убеждения по конкретным общественным вопросам, которые могут не совпадать. Но такие расхождения сочетаются с необходимым уровнем терпимости к оппоненту.

Сделки, основанные на личном интересе, приобретают другой характер в случаях, когда они вплетены в сеть социальных взаимодействий, поощряющих взаимное доверие. Знакомый экономистам термин "трест" есть русифицированный вариант английского *"trust"*, термина, имеющего и юридическое значение (основанные на доверии отношения, в соответствии с которыми одно лицо обладает титулом собственника и распоряжается собственностью во имя интересов другого лица), и одновременно значение моральной категории (вера в надежность, искренность, способность, компетентность и т.д. конкретного лица). Российскому гражданскому праву известен термин "товарищество на вере".

Отношения доверия не просто повышают надежность и эффективность экономики, они предоставляют гражданскому обществу возможность преодолевать тенденцию в поведении изолированных индивидов, действующих в условиях настороженной изоляции, использующих любые возможности для реализации личного интереса, избегая участия в объединенных, совместных, коллективных действиях. Здесь особое значение имеют повседневные взаимодействия, осуществляемые на элементарном межличностном уровне. Не оказывая видимого значительного эффекта в отдельных

случаях, такие взаимодействия тем не менее создают в конечном итоге необходимые условия для преодоления изоляции индивидов и их взаимного недоверия.

Ассоциации: социальные структуры кооперации. Исторически различимы конкретные социальные структуры и типы социальной активности, в которых ценности и нормы гражданского общества находят свое воплощение. К их числу относятся не только торговые и промышленные ассоциации, но и научные, религиозные, культурные, в сфере искусств, спорта, иных объединяющих людей ценностей.

Эффективность и стабильность демократического правительства производны от общественного вклада гражданских ассоциаций. Ассоциации обладают внутренней функцией, обращенной к членам самой ассоциации, и внешней функцией - воздействия на политический процесс в целом. Ассоциации развивают в своих членах навык кооперации, чувство солидарности, готовность служения обществу. Именно взаимодействие в рамках ассоциации позволяет ее членам пересматривать идеи, создавать более эффективные способы и методы решения проблем, кооперировать свои действия, ощущать общую ответственность за совместные акции. Это весьма важно в ассоциациях, где происходят межкультурные взаимодействия, что позволяет сближать соответствующие позиции и установки.

Понятие "гражданское общество" составляет важный аспект общественной организации, по-разному выраженный в обществах различных типов. Сам термин "гражданское" указывает на корневое единство с понятием "гражданин", т.е. гражданское общество есть общество граждан, но современное узкоправовое понимание термина "гражданин" (гражданство - как правовой статус жителя определенной страны) не отражает его подлинного социологического смысла.

Исторически термин "гражданство" восходит к латинскому *"civis"* - житель города (Рима). В русском понятии "гражданин" также есть единая основа с понятиями "город", "горожанин". Эти смысловые связи неслучайны. Они говорят о том, что не все члены данного общества уже поэтому суть граждане, т.е. лица, обладающие правом гражданства (*"civitas"* - право гражданства). И исторически лишь определенные категории жителей данной страны обладали таким правом. Общим здесь оказалось то обстоятельство, что несвободные жители, рабы не обладали правом гражданства, не были гражданами, членами гражданского общества.

Два решающих признака отделяют раба от гражданина. Раб не свободен экономически, не субъект, не участник хозяйственных отношений, а их объект, он лишен центрального экономического права - права на собственность, *первого социального качества гражданина*. Другой признак гражданства - аспект политический - участие граждан в решении государственных дел, в управлении государством, а также их право образовывать общественные союзы, организации, независимые от государства.

При всем многообразии исторически сложившихся видов общественного и государственного строя три признака (быть свободным и обладать гражданскими правами, прежде всего, правом на собственность; участвовать в делах государства; реализовывать и защищать свои интересы вне и помимо государства) неотделимы от понятия "гражданин", и, соответственно, та часть жителей данного общества, которая обладает такого рода гражданскими и политическими правами, образует гражданское общество. *Гражданское общество существует там и тогда, где и когда экономически и политически свободные индивиды участвуют в государственной деятельности и обеспечивают свои интересы путем самоорганизации.*

Наличие или отсутствие гражданских прав и свобод служит наиболее очевидным индикатором состояния и уровня развития гражданского общества. Характеризуя их наличие в дореволюционном российском законодательстве, Коркунов писал, что "постановления российского законодательства о правах гражданской свободы представляются крайне устарелыми и неудовлетворительными. Теперь, когда уничтожено крепостное право, долгое время тяготевшее над русским народом, когда введен гласный народный суд, когда местное общество призвано к самоуправлению, - странным анахронизмом, совершенной несообразностью представляется бесправие личности пе-

ред административным произволом и отсутствие хотя бы малейшей свободы общественной деятельности" [Коркунов, 1914, с. 457]. Лишь во второе издание основных государственных законов 1906 года были внесены значительные изменения по вопросам гражданских свобод. Провозглашались неприкосновенность личности и жилища, свобода передвижения и занятий, свобода собраний, образования обществ и союзов, свобода слова и религии. Тем самым были заложены основы развития гражданского общества.

События в России после 1917 года остановили развитие гражданского общества, предотвратили реализацию экономических и политических свобод путем делегализации института частной собственности, установления политической монополии на власть, привели к деформации социальной структуры общества, социокультурных, морально-этических, религиозных основ в целом. Процесс укрепления органической структуры общества, начатый в России в начале прошлого века, ведущий к естественному образованию крупных социальных групп, общностей классов, возникновению общих ценностей, символов, норм, стандартов, был прерван.

Перспективы развития гражданского общества в России сегодня могут быть оценены по указанным выше параметрам. Конституция Российской Федерации 1993 года предусматривает гражданские права и свободы. Реальность этих конституционных норм будет зависеть от реальности личной свободы граждан, их участия в делах государства и независимой от государства защиты своих интересов. Личная свобода выражается в политическом и экономическом аспектах. Политический аспект личной свободы зависит от реализации политических прав, экономический - от права на собственность, на свободное распоряжение ею.

Современное развитие России, открывая дорогу для политических свобод, лишь создает предпосылки к возникновению большинства, состоящего из граждан среднего класса, т.е. политически и экономически свободных членов общества, из тех, кто способен стать свободными людьми (экономически свободен тот, кто имеет собственность или зарабатывает достаточно, чтобы быть свободным), кто способен к ответственной, конструктивной политической деятельности, ивконецномсчете воссоздать гражданское общество, восстановить целостность национально-культурной традиции, образовать духовную общность, воспринять, развить и реализовать идею российского правового государства.

Концепция правового государства исходит из признания народного суверенитета (народ как носитель высшей власти), признания неотчуждаемых (прирожденных) прав личности и из понимания права как всеобщего масштаба и равной меры свободы индивидов [Новгородцев, 1918; Нерсесянц, 1992; Пульс... 1989]. Такое понимание основ правового государства противостоит концепции теократического государства, а также государств тоталитарного типа, выводящих свою власть из религиозных, расовых или классовых оснований [Пульс... 1989, с. 135-177].

Свобода и равенство

Термин "свобода" может быть интерпретирован в двух смыслах: "свобода от вмешательства в личную жизнь" и "свобода от негативных обстоятельств личной жизни". Так, существует свобода слова, собраний, манифестаций, свобода приобщения собственности, свобода личности, неприкосновенность жилища, частной жизни, свобода совести, свобода выбора места жительства, свобода передвижения - все они охраняют личные свободы, их содержание отвечает на вопрос: "свобода чего?". Их называют "негативными свободами" потому, что их суть в отрицании, в недопущении посягательства на свободу человека, необходимую для самостоятельного создания нужных благ, решения своей судьбы без любого, в том числе государственного, вмешательства. Здесь требование одно - "не мешайте мне строить мою жизнь".

Наряду с таким пониманием свободы существует также свобода от нужды, болезней, невежества и связанных с этим жизненных обстоятельств ("свобода от чего?").

Подобные свободы называют "позитивными свободами", их реализация требует предоставления человеку недостающих ему благ - пособий, жилья, медицинского обслуживания, гарантированного образования и т.д. Здесь предполагается вмешательство государства, общества. И требование другое - "постройте мне мою жизнь".

Двойственному пониманию категории "свобода" соответствует и двойственное понимание категории "равенство". Понятие "равенство" может быть истолковано, во-первых, как равенство людей в правах, равенство перед законом и государством и, во-вторых, как равенство их фактического состояния, прежде всего экономического, социального. Примером неравенства в правах может служить лишение определенных категорий людей избирательного права. Равенство в правах - основа личной свободы, оно означает равенство всех перед законом, что служит фундаментом демократического правопорядка. Примером фактического неравенства чаще всего служит неравенство экономическое (богатые и бедные). В реальной жизни существуют, выступающая в разных пропорциях, оба вида неравенства и, соответственно, проявляется стремление к равенству.

Это различие предопределяет суть требований, вытекающих из стремления добиться реализации негативных (равенство в правах) и позитивных (равенство фактического состояния) прав. Требование обеспечить равенство прав личности, реализация негативных прав предполагают создание людям возможностей *для построения своего благосостояния личными усилиями*. Требование добиться фактического экономического равенства, реализация позитивных прав связаны с *вмешательством государства в перераспределение материальных благ* с целью уравнивания во владении этими благами.

В главе второй Конституции Российской Федерации "Права и свободы человека и гражданина" предусмотрены как негативные, так и позитивные права. В числе негативных прав: свобода слова, убеждений, неприкосновенность личности, жилища, частной собственности, частной жизни, свобода совести, свобода передвижений и т.д. Позитивные права: право на гарантированный минимум заработной платы, право на оплачиваемый отпуск, право на бесплатную медицинскую помощь, право на бесплатное жилище для неимущих и т.д. Принципиальная проблема такой политики в сфере обеспечения позитивных прав заключается в том, чтобы обязанность государства не истолковывалась в пользу практики автоматического, всеобщего возмещения всех видов экономической недостаточности, но носила выборочный, адресный характер, основанный на серьезном анализе конкретных поводов для подобного возмещения в рамках специальных, обоснованных программ.

Дело в том, что реальное всеобщее экономическое благосостояние может быть достигнуто лишь в результате высокой производительности труда и такого накопления национального богатства, которое способно произвести достаточные резервы для их государственного перераспределения. Идея выравнивания экономического положения путем перераспределения, т.е. путем изъятия ресурсов, созданных высокопроизводительным трудом, в условиях экономической недостаточности способна лишить экономику стимулов к росту, остановить экономическое развитие, а следовательно, и процесс демократизации. Принципиально важно, чтобы помощь слабым не привела к ослаблению сильных - единственного источника такой помощи.

Достижение в условиях России баланса между производством и распределением (перераспределением) осложняется существенными обстоятельствами культурно-исторического характера. В социалистических учениях, особенно в России, идея производительности постоянно вытесняется идеей распределения ("отнять и поделить"). По словам С. Котляревского, народники проповедовали лишь "уравнительную справедливость в самом ее элементарном виде - справедливость, которая неминусом Должна была пониматься как равнение к низу... Наши народники искали равенства, чтобы никто не чувствовал себя обиженным и обделенным избытком у своего соседа. Они предпочитали равенство в бесправии наличности права у одной части населения" [Котляревский, 1991, с. 202-203].

По словам Бердяева, Ф. Достоевский в гениальном предвидении российской революции во имя социализма "обнаруживает всю призрачность демократии в революции. Никакой демократии не существует, правит тираническое меньшинство. Но тирания эта, неслыханная в истории мира, будет основана на всеобщем принудительном уравнении. Шингалевщина и есть исступленная страсть к равенству, доведенному до конца, до предела, до небытия... Все рабы и в рабстве все равны" [Бердяев, 1991, с. 74]. *Абсолютное фактическое равенство достигается в абсолютном бесправии.* Принудительное достижение фактического равенства путем перераспределения убивает равенство в правах. *Равенство в правах - синоним свободы.* Такова формула соотношения свободы и равенства в их конечном выражении. Полное фактическое равенство возможно только в нищете и рабстве. Богатство связано с равенством в правах и свободой. Что предпочесть: неравенство в богатстве или равенство в нищете? От ответа на этот вопрос зависит в конечном итоге характер общественного развития.

Народ России пережил самый длительный в современную эпоху период рабства. Рабство - не только отсутствие права на собственность и свободу. Рабство формирует взгляды, навыки, традиции, надолго переживающие законодательное восстановление прав и свобод. В наследство остается то, что можно обозначить как "культура зависимости", решающим элементом которой является потребность в покровительстве (помещика, царя, государства, президента). Большинство населения нашей страны получило свободу только в середине XIX столетия, но после 1917 года весь народ подпал под тоталитарное господство. Эти факты известны, но одно обстоятельство должно быть отмечено особо. Отсутствие свободы, состояние зависимости означает одновременно отсутствие *потребности* (и возможности) позаботиться о себе, быть ответственным за свою судьбу, отвечать и за приобретения, и за потери. Несвобода убивает личную инициативу, не позволяет сформироваться чувству уверенности в своих силах, опоры на самого себя.

Абсолютистское государство — монополист в экономике и диктатор в политике - не только ликвидировало свободу человека, но также освободило его от личной ответственности за свое положение, избавило его, пользуясь выражением Э. Фромма, от "бремени свободы". Свобода не только открывает возможности, но и налагает на ее обладателя ответственность за собственную судьбу. Однако взамен "бремени свободы" людям были предоставлены государством минимальные средства к существованию путем всеобщего государственного распределения. Механизм был по сути прост: во-первых, полное изъятие у производителей плодов их труда, затем - возврат их в минимальном количестве через систему государственного обеспечения. Таковы *отношения патернализма.*

Цена подобных "благ" оказалась высока. Ликвидация частной собственности, объявление рыночных отношений незаконными, преступными (приобретение "нетрудовых доходов", свободная торговля, проявление любой экономической активности вне или помимо государства). Потеря свободы сопровождалась созданием огромной чиновничьей машины - распределителя самых насущных для жизни вещей. Политический урок, который должен быть усвоен из российского опыта обеспечения позитивных прав государством, таков: *претензия государства быть благодетелем для народа, обещание обеспечить немедленное благосостояние для всех, ограничение с этой целью рыночных отношений, их ликвидация, замена на всеобъемлющее государственное регулирование ведут к нищете и тирании.*

Россия переживает сегодня радикальную политическую и экономическую трансформацию. Две социальных составляющих присутствуют в общественной структуре: относительно меньший, но динамичный, продуктивный частный сектор и значительно больший, стагнирующий государственный (или квазиприватизированный) сектор. Расширение рыночных отношений приводит к дифференциации в уровне жизни, ставит людей перед необходимостью усвоить, развить культуру самостоятельности, само-

достаточности, инициативы и предприимчивости, повышения уровня производительности, готовности идти на риск, встретиться с возможностью процветания либо банкротства, открыть себя всем радостям и горестям свободы.

Российское общество неизбежно поляризуется. Чем моложе человек, чем выше его уровень образования, чем более востребован на рынке его профессия, чем более он конкурентоспособен, тем менее такой человек способен соблазниться обещаниями немедленного благосостояния через государственное перераспределение, сопровождающегося потерей экономической (а затем и политической) свободы. Но чем к более старшей возрастной группе относится человек, чем ниже его образование, чем менее он способен к успешной конкуренции, тем более он склонен просить (требовать!) у государства обеспечения его позитивных прав, искать благодетеля в лице государства. Такой группе населения труднее усвоить урок истории, согласно которому в случае, когда ради благосостояния жертвуют свободой, не получают ни благосостояния, ни свободы. Между тем сохранение свободы, т.е. совокупности политических, гражданских прав (право частной собственности среди них решающее), как показал мировой опыт, - неперемное условие реального повышения благосостояния народа, превращения провозглашаемых социальных, экономических прав из популистского лозунга в повседневную реальность.

Собственность и свобода

Трагическую роль для многих стран, а для России в особенности, сыграла революция 1917 года. Ее центральной идеологической предпосылкой послужило приписывание институту личной, частной собственности роли кардинального социального зла. Лишение граждан права на собственность привело в конечном итоге к их полному подчинению воле государства, выступавшего в качестве единственного собственника. История показала, что лишение гражданина права на собственность с неизбежностью означало лишение его личной свободы. Новое время подтвердило, что известное с древности определение раба как индивида, лишённого права на собственность и личную свободу, может быть при определенных условиях вновь воплощено в реальность.

В обыденном сознании право собственности понимается чаще всего как право на владение вещами, недвижимостью, деньгами, акциями, облигациями, хотя в реальности объектом собственности все более становятся авторские права, патенты, кредиты. Однако по глубокой социальной сути *собственность - это все то, что человек может считать своим - прежде всего, его жизнь и свобода*. Собственностью могут быть земля, товары, деньги, но также взгляды и убеждения человека, его поведение, безопасность, свобода личности, способности, дарования. Человеку принадлежит свобода использовать свои способности и дарования, свободный выбор образа мыслей и поведения. *Следовательно, человек, имеющий право на собственность, имеет также собственность на свои права* [Пайпс, 2000, с. 10]. В то же время человек, лишенный права собственности, лишается и собственности на свои права. *Именно собственность человека предопределяет в конечном итоге возникновение и функционирование политических и правовых институтов, служащих гарантией свободы людей в обществе*.

Институт личной, частной собственности играет решающую роль в определении характера взаимодействия личности и государства. Только со становлением в обществе государственной власти появилась свобода индивида и обеспечивающие ее права. В обществе, социальная структура которого основана на родоплеменных отношениях, индивид не обособлен от общины и не в состоянии выдвигать свои интересы, отдельные от интересов общины. Только в условиях возникновения государственной власти, в равной мере распространяющейся на всех обитателей, проживающих на определенной территории, индивид в состоянии осознать свою автономию, свои интересы, существующие помимо интересов общины. Из категории "мы" (племя, род)

выделяется категория "я", интересы личности осознаются и возникает возможность их реализации путем индивидуальных усилий.

Эта тенденция проявляется в той мере, в какой зарождается и развивается право личной, частной собственности, признаваемой и охраняемой государством. Без признания государством существует лишь владение собственностью, гарантированное обычаем, просто силой. Только с возникновением государства как политической организации публичная власть гарантирует право собственности. Но гарантия права собственности одновременно с неизбежностью очерчивает и границу, пределы государственной власти; право собственности образует сферу, не подвластную прямому государственному вмешательству, создается основа для выделения той совокупности личных прав, развитие которых делает возможным возникновение демократического общества.

Основу афинской демократии составлял институт частной собственности, и граждане древней Эллады - экономически независимые, свободные земледельцы - управляли Афинами. В противоположность этому в древних восточных монархиях государство было собственником всех ресурсов, и экономическая зависимость людей не позволяла им противостоять всевластию такого государства. Неслучайно также, что многие важнейшие элементы современной демократии впервые зародились в средневековых городах, где частная собственность, богатство, накопленное торговцами и промышленниками того времени, составляли важную гарантию их личной свободы.

Ликвидация института частной собственности привела к особенно тяжелым, трагическим последствиям в послереволюционном развитии России. Введение "военного коммунизма" немедленно привело к голоду и разрухе. Восстановление в правах частной собственности в период нэпа немедленно дало импульс экономическому развитию. Однако, когда стало очевидно, что экономически свободные, состоятельные крестьяне выйдут из подчинения, что диктаторская власть окажется под угрозой, началось закабаление государством своих граждан в ходе коллективизации. Крестьяне (70-80% населения России) были лишены права собственности на землю, на плоды своего труда, превращены в наемных работников, а миллионы наиболее состоятельных крестьян были физически истреблены в лагерях. "Это была катастрофа, не имевшая примера в прежней мировой истории: ни одно правительство никогда не обрушивало таких сокрушительных ударов на жизнь и ресурсы собственного народа - факт, который для внешнего мира по сей день остается недоступным пониманию" [Пайпс, 2000, с. 278].

Центральной социальной проблемой устройства общества и государства было и остается взаимодействие личности и общества, гражданина и государства. Вне структурирования, упорядочения общественных отношений, без существования (в современном обществе) государства жизнь людей устроена быть не может. Но в этом устройстве возможны варианты: от полного порабощения личности в тоталитарном государстве до равноправного партнерства гражданина с демократически устроенным государством. Конечно, сам по себе институт частной собственности еще не составляет безусловную гарантию реализации прав и свобод человека. Но важнейшей, незаменимой социальной функцией такого института является образование и закрепление той границы, далее которой власть государства простирается не может.

Государство, признавая, гарантируя частную собственность, закрепляет, гарантирует экономическую свободу гражданина и одновременно очерчивает границу своего вмешательства в жизнь человека. *Разделяя сферу публичных (общественных, государственных) отношений и сферу отношений частных, личных, государство гарантирует собственнику социальную роль равноправного партнера.* Только при наличии такого партнерства возможно существование демократии.

В свете изложенного можно прийти к выводу о том, что соотношение категорий в рамках триады "государство - общество - гражданин" предопределяет характер общественного, государственного устройства. Лишь наличие граждан - экономически

и политически свободных, полноправных индивидов позволяет сформироваться гражданскому обществу. Только такое общество в состоянии создать и обеспечить функционирование демократического государства, граждане которого - подлинные хозяева жизни своей, общества и государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бердяев Н.А.* Духи русской революции // Из глубины. Сб. статей о русской революции. М., 1991.
- Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990.
- Гегель. Соч. Т. 7. М., 1935.
- Геллнер Э.* Условия свободы. М., 1955.
- Герцен А.И.* Собр. соч. В 30 т. Т. 8. М., 1956.
- Кистяковский Б.А.* В защиту права // Вехи. М., 1990.
- Кони А.Ф.* Избр. произв. В 2 т. Т. 2. М., 1959.
- Коркунов Н.М.* Русское государственное право. Т. 1. СПб., 1914.
- Котляревский С.А.* Оздоровление // Из глубины. Сб. статей о русской революции. М., 1991.
- Нерсесянц В.С.* Наш путь к праву. М., 1992.
- Новгородцев Н.И.* Лекции по истории и философии права. Учение Нового времени, XIV-XIX вв. М., 1918.
- Пайнс Р.* Собственность и свобода. М., 2000.
- Пульс реформ. М., 1989.
- Berman H.J.* Justice in USSR. An Interpretation of Soviet Law. Cambridge (Mass.) - London, 1983.
- Berman H.J.* Law and Revolution - The Formation of the Western Legal Tradition. New York, 1982.
- Little D.R.* Governing the Soviet Union. London, 1989.
- Putnam R.D.* Making Democracy Work. Civic Tradition in Modern Italy. New York, 1994.
- tinger R.M.* Law in Modern Society. New York, 1976.